

Список использованной литературы:

1. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
2. Вересов, Н.Н. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского: трудная работа понимания (Заметки читателя) / Н.Н. Вересов. – НЛЮ. – 2007. – №85.
3. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т / Л.С. Выготский. – Т. 4. – М.: Педагогика, 1984 – 432 с.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. / С.Л. Рубинштейн – Т. 2. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.

Каравкин В.И.

ВГАВМ, Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат философских наук
vkaravkin@yandex.ru

УДК 141.141

ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТОВ ПСИХОИСТОРИИ

В работе обосновывается положение о том, что наиболее сильное воздействие психоистория оказывает на философию истории. Причина социальных конфликтов и изменений заключена и в недрах психики людей, сформированной разными стилями воспитания. Поэтому представители разных социальных групп по-разному исторически мотивированны.

Ключевые слова: фетальная драма, стиль воспитания, психокласс, групповые фантазии, историческая мотивация.

THE PHILOSOPHICAL SENSE OF THE BASIC CONCEPTS OF PSYCHOHISTORY

The paper substantiates the position that psychohistory has the strongest impact on the philosophy of history. The reason of social conflicts and changes lies in the depths of people's psyches, shaped by different styles of parenting. Because of that representative of different social groups historically different motivated.

Keywords: fetal drama, parenting style, psychoclass, group fantasies, historical motivation.

*«Когда б я знал, как жить иначе,
Я б вышел сам в дверной проём»
БГ (Борис Гребенщиков)*

Введение. Социально-политические коллизии и острые конфликты, происходящие в ряде регионов мира, включая Россию и Беларусь, не поддаются осмыслению с ракурса известных экономических, социологических, политологических, религиозных, эзотерических теорий и концепций. Попытаемся взглянуть на них сквозь *призму психоистории*. При этом приложим усилия для того, чтобы остаться *в границах эпистемологии*, что является единственно верной волевой и рациональной ориентацией, когда речь идет о теоретическом познании.

Выясним в какой мере и степени ряд основных положений психоистории имеет метафизическое значение, что дает возможность прилагать ее теоретические положения ко всеобщему, к целому, а соответственно и к частному, к настоящему, к современной нам жизни.

Один из основателей психоистории, Ллойд де Моз, отлично понимал, какое место занимает она в ряду гуманитарного познания. Определяя психоисторию как *науку об исторической мотивации*, он отмечает, что она «единственная новая социальная наука, которой суждено появиться в двадцатом веке, так как социология, психология и антро-

пология – все отделились от философии в девятнадцатом веке» [1, с. 6]. Можно добавить к сказанному, что она оказалась не менее важной для *философского осмысления* социальной действительности, чем социология, психология и антропология.

Психоистория является не экономической и не политической теорией, а «*психогенной*», так как человек предстает в ней стремящимся к общению, *ищущим любви* в большей степени, чем материального достатка или власти. Обратим внимание на мировоззренческий характер подхода к исследуемому предмету – исторической мотивации. Базисом для ее понимания признается «*психокласс*», особенностью которого является характерное, разделяемое группой людей отношение к детству или *общий стиль воспитания*. История представляется проигрыванием групповых фантазий, которые основаны на мотивациях, являющихся, в свою очередь, результатом «фетальной драмы» и определенного эволюционирующего во времени «стиля воспитания». При этом иные подходы к истории не отрицаются, а дополняются. В таком методологическом подходе, опять-таки, следует видеть глубокий мировоззренческий смысл. Подтверждая биогенетический закон Геккеля-Мюллера об отношении онтогенеза и филогенеза, представленные де Мозом концепты дают возможность осмыслить генезис исторических событий, понять, почему в содержательном плане они именно такие. Не другими их делает неразрывная *связь* «фетальной драмы», «стиля воспитания» и «групповых фантазий», согласно психоисторической терминологии.

Достаточно хорошо осознают мировоззренческую составляющую своих идей сами исследователи. Так, де Моз подчеркивает, что психоистория позволяет увидеть приватное на публичной исторической сцене, осознать значение детства и семьи в исторической динамике. «Вопреки представлению о традиционной семье как о сильном когда-то, а сейчас терпящем упадок институте, вы станете свидетелем, – обращается де Моз к читателю, – роста семьи, с любовью к детям и между супругами, как новейшего приобретения, которое со временем все крепнет. Вы придете к мнению, что цивилизация – это не растущее со временем отречение от удовольствий, связанных с инстинктом, а наоборот, все большее удовлетворение потребностей. И наконец, вы обнаружите, что история – не победа морали, суперэго, а победа желания и разума, ид и эго *над* суперэго» [1, с. 12].

Цель исследования. Цель работы заявлена в ее заглавии – выявить философский смысл основных теоретических конструктов психоистории. А именно:

- обнажить всеобщий характер «фетальной драмы»;
- выявить значение изменений отношений между поколениями и указать их общую тенденцию;
- уточнить философский смысл известного понятия «движущие силы истории», давая оценку в данной связи концепту «групповые фантазии».

Результаты и их обсуждение. Психика человека фундирована комплексом бессознательного, считают представители психоистории, что сближает их с психоаналитиками. Но *предшествует* фрейдовскому едипову комплексу, настаивает де Моз, *фетальная* (от лат. fetus – плод) *драма*. Психическая жизнь зарождается еще до рождения, начинается в материнском чреве, с нее. Она и припоминается в событиях детства, а затем становится основой групповых фантазий. Фетальная драма является *неизменной составляющей психики человека*.

В случае признания данного положения, философская антропология и философия сознания должны акцентировать его, а историческая наука, стремясь к полноте описания, – учитывать.

Анализируя фетальную драму, психоистория делает акцент на ее *травматическом характере*, поэтому и называет «драмой» бесконечно повторяющиеся циклы смерти и рождения в культурном аспекте, когда речь идет о фетальном происхождении истории.

Фетальная драма представляется в теории психоистории полной наслаждения и боли одновременно. Психическая жизнь плода начинается со взаимодействия с плацен-

той. «Поэтому питающая плацента становится постепенно *самым первым объектом фетальной психической жизни*, а регулярные перерывы в этих жизненно важных взаимоотношениях вызывают у плода самые первые ощущения тревоги. На протяжении второго и третьего триместров впервые начинается медленная структуризация психической жизни плода. Когда от плаценты поступает ярко-красная кровь, насыщенная питательными веществами и кислородом, она, по ощущениям плода, исходит от *Питающей Плаценты...*, когда же кровь темнеет, загрязняется накопившимися продуктами распада и углекислым газом, она как будто бы исходит от *Ядовитой Плаценты...*» [1, с. 341]. В непосредственной жизнедеятельности людей эмоции, связанные с (условно) Питающей Плацентой, являются прототипом всех дальнейших взаимоотношений любви; а эмоции, связанные с (условно) Ядовитой Плацентой – ненависти.

Фетальная драма оказывается состоящей из четырех стадий. Забегая вперед, представим их в виде Таблицы [1, с. 200], как это делает де Моз, проводя параллели со стадиями групповых фантазий, о чем речь пойдет ниже.

Таблица 1 – Стадии групповых фантазий

Внутриутробная стадия	Фантазия в отношении лидера	Фантазия в отношении нации (чрева)	Фантазия в отношении врага
1. «Устойчивость»	Сильный лидер	Чрево цело и невредимо, внутри него надежно	Враг силен, но напасть не смеет
2. «Трещина»	Лидер слабеет	Чрево трещит по швам, начинает вытеснять, ненадежно	Враг слабеет, неустойчив и опасен
3. «Обвал» («Крах»)	Лидер беспомощен	Состояние краха, давление растет	Враг в кризисе, источает яд
4. «Переворот»	Жесткий лидер	Опасный, с боем пробиваемый путь наружу из удушливого чрева	Враг силен, война началась

В отношении социально-политических воззрений важно подчеркнуть, что *аналогичными* стадиям фетальной жизни являются, согласно психоистории, *политические циклы*. Первая стадия того и другого обозначается как «Сила». Лидер мыслится доступным, положительным во всех отношениях, а люди, объединенные вокруг него в группу, чувствуют себя в безопасности. Вторая стадия – «Трещина». Политические отношения вполне соответствуют обозначению, в целом, их можно образно представить образами «утечки воды», «рушащихся стен», «поиска козла отпущения». «Коллапсом» называется третья стадия, характеризующаяся групповым состоянием тревоги и отношением к лидеру как к врагу. Четвертая стадия цикла, именуемая «Переворотом», может развиваться в нескольких направлениях. Одно из них, когда лидера окончательно признают врагом и свергают с разной степенью жесткости. Другое направление связано с тем, что находятся враги. Тогда популярность лидера возрастает, а на врагов обрушивается гнев группы. Врагами при этом могут быть признаны как внешние силы, так и внутренние, и те и другие одновременно, противостоящие лидеру и его группе.

В аспекте взаимоотношений между поколениями, согласно де Мозу, в распоряжении взрослого есть три способа реагирования на ребенка. Первый представляет собой использование ребенка в качестве своеобразного сосуда для проектирования содержания своего собственного бессознательного. Это – *проективная реакция*. Вторым способом следует признать *возвратную реакцию*, когда ребенок становится как бы заместителем того взрослого, который в собственном детстве был значимой фигурой. Третий способ представляет собой *реакцию сопереживания*, являясь именно сопереживанием потребностям ребенка, которое предполагает деятельность по их удовлетворению. Первую реакцию на ребенка де Моз называет «эмоциональным опоружением»; вторая

реакция связана с отношением к ребенку таким образом, будто он существует только для удовлетворения потребностей родителей; третья – «это способность взрослого регрессировать к уровню потребностей ребенка и правильно распознать их без примеси своих собственных проекций» [1, с. 19].

Если фетальная драма является постоянным компонентом психической жизни, который не изменяется во времени, т. е. является по сути *внеисторическим*, то главным и особенным в отношении реакции родителей на детей является как раз *историческое изменение* этих отношений. Психоисторики выделяют шесть последовательно сменяющихся друг друга типов отношения родителей к детям – *стилей воспитания* – в европейской, вернее, западноевропейской культуре. Другое дело, что многие родители как бы застряли на ранних этапах.

Исторически первым психоистория признает *стиль детоубийства*, датируя его до IV века н. э., подчеркивая, что до убийства детей дело доходило тогда, когда родители боялись, что его будет трудно прокормить или воспитать. *Оставляющий стиль* (IV–XIII вв.) характеризуется тем, что в ребенке признали душу, но предпочитают избавляться от него, чаще всего отдавая кормилице. XIV–XVII века были временем *амбивалентного стиля*, когда ребенку уже позволили влиться в эмоциональную жизнь родителей, но он мыслился, фигурально, гипсом, глиной, воском, которому необходимо придать нужную родителям форму. Ребенок, по сути, оставался «сосудом»,местилищем опасных проекций взрослых. Четвертый по времени, *навязывающий стиль* (XVIII в.) характеризуется тем, что родители и дети сближаются друг с другом, но первые считают своим долгом обрести власть над умом ребенка и контролировать его чувства. *Социализирующий стиль* (XIX – середина XX вв.), как видно, относительно не далеко отстоит от нас во времени. Родители учат ребенка приспособляться к обстоятельствам социальной и духовной жизни, что и понимается ими как социализация. Заметим, именно такой стиль воспитания является типичным для родителей послевоенного поколения, для нынешнего поколения дедов. Более того, во-первых, – часть из них унаследовало амбивалентный и навязывающий стиль; во-вторых, – воспитанные в таком стиле дети, как правило, далеко не отходят от своих родителей. Сделанные замечания касаются, прежде всего, региона бывшего Советского Союза. Де Моз, повторим, имеет в виду Западную Европу. Шестой и последний по времени становления *помогающий стиль* (с середины XX века) основывается на допущение, что *дети лучше родителей* во всех отношениях, включая нравственность. Детей не ругают, а о том, чтобы бить их, и речи быть не может. Им многое прощается, так как родители понимают их проблемы, сочувствуют им, стремятся помочь преодолеть житейские, пусть в период детства и ребячьи, трудности. Де Моз убежден, что в итоге вырастают психически уравновешенные, *добрые*, искренние, волевые личности, *свободные* от давления авторитетов и преклонения перед ними.

Для того, чтобы лучше понять очень важную, эвристически объемную и гносеологически перспективную теорию стилей воспитания, воспользуемся Таблицей де Моза [1, с. 179–180], которая дает возможность отследить: во-первых, – желания родителей по отношению к детям (2); во-вторых, – в каких конкретно формах данные отношения проявлялись в истории (3); в-третьих, – при каком стиле воспитания то или иное происходит (1).

Таблица 2 – Таблица де Моза

Стиль	Желание родителей	Проявление в истории
Детоубийства	Мать: «Я хочу, чтобы ты умер. Тогда я избавлюсь от страха, что меня убьет моя мать»	Детские жертвоприношения и детоубийство; пенис ребенка как замена материнской груди; нетерпимость к появлению гнева у детей; закаливание; призраки и колдуны; торговля детьми; педерастия

Отказа	Мать: «Я должна тебя покинуть, чтобы избежать искушения сделать тебя предметом своих проекций»	Длительное пеленание; отдача на попечение кормилицы, в заложники, в монастырь, в ученичество
Амбивалентный	Мать: «Ты плохой из-за моих же эротических и агрессивных проекций»	Клизмы; битье в раннем возрасте; более короткий период пеленания; по детям возможен траур; ребенок как эротический объект – предвестие эмпатического отношения к нему
Навязывающий	Мать: «Ты можешь рассчитывать на мою любовь, но только при условии моего полного над тобой контроля»	Раннее приучение к туалету; подавление детской сексуальности; конец пеленания и отсылки к кормилицам; возможна эмпатия; развитие педиатрии
Социализирующий	Мать и отец: «Мы будем тебя любить, если ты станешь добиваться наших целей»	В качестве метода воспитания ребенка заставляют почувствовать вину; «моральные наказания» через унижение; введение обязательного школьного обучения; ребенку внушают родительские цели
Помогающий	Мать и отец: «Мы любим тебя и поможем в достижении твоих целей»	Права детей; отмена обязательного школьного обучения и свободное посещение школ; терапия для детей; безболезненные роды

Как видно, де Моз не дает периодизацию исторической динамики, а «встраивает» в ту, что в целом утвердилась в западноевропейском сознании, аспекты особенностей отношений между поколениями, вернее, отношения поколения родителей к поколению детей или стилей воспитания. От античности через средневековье, затем Новое время, акцентируя внимание на Просвещении, через Новейший период истории – к современности, которая, условно, берет начало с середины двадцатого столетия, прослеживается эволюция стилей воспитания. «*Линейному*» движению истории соответствует «*линейный*» путь движения к позитивному, гуманному, общечеловеческому стилю воспитания.

Идея прогрессивного развития истории, а не ее динамики, так же не является новой. Видение ее устремленности, в итоге к тому, чтобы каждая личность была свободна, характерно, например, для Гегеля: «Итак, всемирная история представляет собой *ход* развития принципа, *содержание* которого есть сознание свободы», – говорит он в «Лекциях по философии истории» [2, с. 105]. Там же мыслитель отстаивает идею о движении всемирной истории от представления о том, что *один* свободен, затем *некоторые* свободны, – к осознанию, что *все* свободны [2, с. 147–148]. Есть основания в данном контексте вспомнить и марксистскую идею коммунизма, где свобода всех гарантирует свободу каждому. Не уникальной является и акцентировка на отношениях между поколениями. Достаточно указать на концепцию выдающегося этнолога М. Мид, чтобы убедиться в этом. «Разграничение, которое я делаю между тремя типами культур, – пишет она, – посфигуративной, где дети прежде всего учатся у своих предшественников, кофигуративной, где и дети и взрослые учатся у сверстников, и префигуративной, где взрослые учатся также у своих детей, – отражает время, в котором мы живем» [3, с. 322]. Первый тип культуры существовал тысячелетия господства сельского хозяйства; второй, сочетаясь с первым, – со времени становления городов и государств и до второй половины XX века, когда и зарождается третий тип взаимоотношений между поколениями.

Вместе с тем, и этнолога и психоисторика можно упрекнуть в том, что ответ на вопрос, в результате каких причин и задействования каких механизмов происходят из-

менения в позитивную сторону, они не дают. Философы Гегель и Маркс, заметим, каждый с высоты своего мировоззрения, со своей точки видения, ответ этот давали.

Теоретические построения, касающиеся групповых фантазий и их переноса в социальную сферу жизни, следует увязать с замечанием де Моза о том, что схема, представляющая стили воспитания, «дает еще и классификацию современных стилей воспитания детей» [1, с. 83].

От «стилей воспитания» вернемся к «фетальной драме».

Доэдипов комплекс, который, как мы выяснили, согласно психоистории, формируется в материнском чреве, побуждает людей во взрослой жизни объединяться в группы. Как только человек становится частью группы, содержание его сознания трансформируется в сторону обретения особых элементов, связанных с *фетальным символизмом*. Условное «групповое пространство» обретает ореол святости со своим центром, окружением, персонажами. «Когда замечаешь, – поясняет в данной связи де Моз, – что всем ритуалам свойственны определенное ограниченное число действующих лиц, стандартная сценическая обстановка и сценарий фетальной драмы, то, что казалось с точки зрения истории и этнологии проявлением неистощимой культурной изобретательности, тут же сводится к нескольким ритуальным групповым фантазиям, до бесконечности повторяемым на различных эволюционных уровнях, в зависимости от достигнутого группой стиля воспитания детей. Вот пять основных элементов этой фетальной драмы: (1) Ядовитая Плацента, (2) Страдающий Плод, (3) Нарастающее Загрязнение (pollution), (4) Питающая Пуповина и (5) Космическая Битва» [1, с. 305].

Каждый элемент фетальной драмы обретает определенное качество в процессе *групповой фантазии*. Другими словами, элементы фетальной драмы имеют определенные *характеристики*, которые *персонифицируются* и обретают образы конкретных *фигур*. *Ядовитая Плацента* принимать форму змея или дракона. Ее можно разглядеть в любой *недоброжелательной фигуре*, скажем, колдуна или еврея. *Страдающий плод* символизирует саму невинность, какой ее можно представить в ощущениях плода. Происходит отождествление себя с *невинным, но страдающим*, скажем, Мардуком или Христом. *Нарастающее Загрязнение* – символ угрозы всему миру, взывающий к *очищению* от скверны, что влечет за собой *жертвоприношение*. *Питающая Пуповина* – *спасает*, удерживает. Скажем, лестница в небо, радуга, как и менее романтические, веревка или шест, символизируют ее. *Космическая Битва*, наконец, представлена *сражением* Страдающего Плода с Ядовитой плацентой. Символизироваться эта битва может в очистительных *ритуалах* жертвоприношения.

Де Моз представляет стадии групповых фантазий периодами исторического процесса. При этом он в терминах психоанализа описывает *движущие силы истории*, что само по себе обретает уже *философское* звучание.

Фетальная драма представляет собой *доэдиповый* психологический комплекс. Он накладывается на *эдипов* конфликт фрейдизма. В недрах групповой фантазии при этом роль отца отводится лидеру в то время, как роль матери – самой группе. «Стало быть, – делает вывод де Моз, – главная сила, благодаря которой групповая фантазия движется с одной стадии на другую, которую, следовательно, можно объявить основным источником движения всей истории – это *постоянный перенос эротических фантазий, в том числе доэдиповых, организуемых эдиповой драмой убийства лидера-отца ради завоевания группы-матери*» [1, с. 229].

Групповую фантазию вполне можно представить *групповым трансом*, что и делает де Моз, выделяя наиболее общие правила мышления в его состоянии. К ним относятся, в частности, *игнорирование противоречий*, например, евреев могут считать одновременно и слабыми никчемными людьми и могущественными отравителями, воздействующими на весь мир. Открытый *отказ от признания очевидного*, само собой разу-

меющегося; *два плюс два*, оказывается, *равно нолю*. Де Моз иллюстрирует отказ от здравого смысла в групповом трансе словами нациста Эйхмана: «Когда гибнут сотни – это катастрофа. Когда пять миллионов – это статистика» [1, с. 249]. В отношении политики, в групповом трансе отдается предпочтение сугубо личностным предпочтениям. Сплошные фантазии заменяют адекватное восприятие реальности. Забвение прошлого становится правилом, что позволяет использовать понятие «*историческая амнезия*». На наш взгляд, к данному явлению применимо и то выражение, которое П.М. Полян использовал для названия одной из своих книг: «*Истриомор, или Трепанация памяти*» [4]. В контексте нашей темы, философского осмысления основных концептуальных положений психоистории, как и в аспекте осмысления психологических особенностей групп людей, важными являются следующие слова де Моза: «Историческая амнезия – один из первых симптомов группового транса. То, что войны и революции всегда случаются неожиданно, может быть связано вовсе не с тем, что насилие трудно предсказать, а с тем, что на библиотечных полках после таких событий все равно оказывается больше книг о ювелирном искусстве, чем о войнах – настолько сильна в нас потребность отрицать само существование своих групповых иллюзий» [1, с. 251]. Для группового транса, далее, характерным является утрата целевых установок, при том, что само действие становится неотвратимым; действие само по себе, *действие без целевой направленности*, когда не предполагаются его последствия. Отношение к *насилию* становится тогда *императивом*: «враг расценивается хуже преступника, он существует лишь для того, чтобы его убить» [1, с. 252].

В качестве предварительного вывода в отношении психоисторического концепта о групповых фантазиях, которые способны перерасти в групповой транс, отметим, что они влекут за собой полный отказ не только от здравого смысла, но и от здравого мышления, что позволяет говорить уже о *сумасшествии* или *идиотизме*.

Анализируя групповые фантазии, большое внимание психоистория уделяет *фантазийному лидеру*. Он, согласно де Мозу, имеет высокую степень ненормальности. «Единственное, что действительно не нужно фантазийному лидеру – так это зрелость. Сплошь и рядом лидеры «успешно» руководят, несмотря на крайнюю эмоциональную расстроенность своей личности – тому доказательством служат Наполеоны и Сталины всех времен и народов» [1, с. 230].

Если к сказанному о групповых фантазиях приложить то, что было выявлено в отношении исторического развития стилей воспитания, станет понятен вывод де Моза: «Таким образом, историю можно рассматривать как состояние между терапией, происходящей по мере эволюции семьи, и травмами, причиненными насилием групповой иллюзии» [1, с. 254]. Данный вывод позволяет сказать, что чем в *более прогрессивном* стиле воспитывался человек, тем *меньше* над ним будут *довлеть* «ядовитые чудища-кровососы», запечатленные в ходе фетальной драмы. Скажем, помогающий стиль воспитания, формирующий зрелую, свободную, поэтому счастливую, полную человеческого достоинства личность, способствует уклонению от фантазий группового транса.

Заключение. Психоистория обосновывает свои теоретические положения на исторических примерах. Так, сравнительный анализ революционных преобразований во Франции, в Англии и в Америке приводит к следующему выводу. Раскол в обществе может происходить в результате того, что представители разных стилей воспитания могут быть привязаны к разным социально-экономическим классам, что можно наблюдать на примере Франции. Раскол может происходить и из-за того, что представители психоклассов принадлежат к разным религиозным группам, как это было в Англии. История Америки показывает, что к кардинальным социальным преобразованиям могут вести и непосредственно острые конфликты между группами людей, объединенными

разными стилями воспитания. Юг и Север Америки населяли представители разных психоклассов.

Закономерностью следует признать то, что передовой психокласс отождествляет себя с «Id», используя фрейдистскую терминологию, отрицая его инфантильное содержание, снижающее на уровень потребностей младенца. Менее передовой психокласс отождествляет себя с «Super Ego» и ищет гарантии своей сохранности в порядке, понимаемом как законная поддержка государственными силовыми структурами.

Де Моз с позиций разработанной им теории объяснял, в частности, и причины распада Советского Союза. Стиль воспитания в России, считает он, по сравнению с Западом, оставался в средневековье, отставал приблизительно на два столетия. За десятилетия до распада можно наблюдать скачок в отношении прогрессивного отношения к детям, выражающийся, как нам известно, в стиле воспитания. Это и заложило основу грандиозных политических перемен. Достаточно сравнить, как воспитывали Сталина с тем, как воспитывали Горбачева, чтобы убедиться в этом. Дает де Моз и «психоисторический» ответ на вопрос, почему так туго шли политические реформы в пространстве бывшего Советского Союза: «Как спеленатые дети плачут, когда их освобождают от бандажа, настолько непривычно такое состояние – так же точно и взрослые, которые физически и эмоционально были спеленаты как дети, требуют возврата тоталитарных оков прежней политической системы» [1, с. 439].

Сделаем заключительный вывод в отношении философского смысла основных положений психоистории. Наиболее сильным следует признать ее воздействие на *философию истории*. «С каждым поколением на историческую арену выходит новый психокласс, нарушающий групповую фантазию более старого психокласса и приводящий к периодам бунта, триумфа и реакции. Новый психокласс состоит лишь из той части нового поколения, которая испытала новые веяния в воспитании детей. Период бунта имеет место, когда новый психокласс молод, сначала преимущественно в художественной сфере. Период триумфа наступает, когда цели группы начинают в основном диктоваться новым психоклассом, даже если в количественном отношении он еще составляет меньшинство. Когда возникает еще более молодой психокласс, и над его целями и стилем жизни довлеет предыдущий, наступает период реакции» [1, с. 183-184].

Сказанное, предполагаем, позволяет проникнуть в глубины современных социально-политических коллизий и острейших конфликтов. Их причина заключена не только в экономических, социально-политических и идеологических противоречиях, но и в *недрах психики* людей, сформированной разными стилями воспитания. Поэтому представители разных социальных групп *по-разному исторически мотивированны*.

Список использованной литературы:

1. Демоз, Ллойд. Психоистория / Ллойд Демоз. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000.
2. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 1993.
3. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид – М.: Наука, 1988.
4. Полян, П.М. Историмор, или Трепанация памяти / П.М. Полян. – М.: Издательство АСТ, 2016.